

Абузар БАГИРОВ,
доктор филологических наук,
профессор Университета МГИМО МИД РФ,
ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

Гений несчастной судьбы

История мировой литературы знает немало выдающихся поэтов, которым было отпущено на этом свете совсем немного лет. Среди них Джордж Байрон (1788–1824), Шандор Петефи (1823–1849), Александр Пушкин (1799–1837), Михаил Лермонтов (1814–1841), Владимир Маяковский (1893–1930), Сергей Есенин (1895–1925), Муса Джалил (1906–1944), Габдулла Тукай (1886–1913), Джафар Джаббарлы (1899–1934), Микаил Мушвиг (1908–1939) и др. Большинство из названных поэтов ушли из жизни не естественной смертью: кто-то прихватил вирус, некоторые погибли на бессмысленной войне или глупой дуэли, иные стали жертвой собственной пули, а других – не пощадила кровавая репрессия... Тем не менее, каждый из этих незаурядно талантливых людей за столь короткие временные отрезки оставил воистину грандиозное творческое наследие. Словно бы предчувствуя скоротечность своего жизненного пути на этой земле, они работали с завидной плодотворностью.

Изысканный азербайджанский лирик, мастер любовно-романтического стиха Микаил Мушвиг **всего за 11 лет творческой деятельности смог стать одной из ярчайших фигур, основоположников азербайджанской поэзии советского периода** – наряду с такими корифеями, как Самед Вургун (1906–1956), Сулейман Рустам (1906–1989) и Расул Рза (1910–1981). Его творческое наследие поражает воображение не только высоким художественным мастерством, но и количественным богатством.

Исмаилзаде Микаил Мирза Абдулгадир оглу – Микаил Мушвиг родился 5 июня 1908 года в Баку в семье учителя. Поэтический псевдоним «Мушвиг» по-арабски означает «Милосердный», «Добрый», «Нежный».

М.Мушвиг - жертва кровавой репрессивной машины. 5 июня 1937 г.

Отец будущего прославленного поэта Мирза Абдулгадир (1869–1915) был родом из горного села Хызы, что к северо-западу от Баку. Из-за тяжёлого материального положения семьи он в 1902 году переехал в город, учился в медресе, затем сам открыл школу нового типа – днём учил детей, а вечером приобщал к грамоте взрослых. С 1908 года перешёл в известную в ту пору школу «Саадат» («Счастье»), где **до конца жизни преподавал родной язык и литературу. Под псевдонимом «Вусиги» (в переводе с арабского «верующий всей душой») писал лирические стихотворения, воспевающие свободу, верность, весну, а также классические газели.** Перу Мирзы Абдулгадира Исмаилзаде принадлежит либретто знаменитой оперы «Шах Исмаил» композитора Муслима Магомаева (1885–1937).

Уже в младенчестве Микаила постигло несчастье: ему было полтора месяца, когда умерла мать Зулейха ханум. Мирза Абдулгадир пристроил сына к родственнице по имени Сафийя, в свою очередь, потерявшую ребёнка вскоре после рождения. Через три года окрепшего и подросшего малыша вернули в родные пенаты. Увы, счастье семьи продлилось не долго, в 1914 году не стало отца, четверо детей стали круглыми сиротами. Их принял на попечение бездетный дядя по матери Джавад с доброй супругой Гюлли, а также **бабушка Гызгайыт ханум, отличавшаяся крепкой памятью и глубоким знанием национального фольклорного наследия. Старания бабушки не прошли даром, услышанные от нее сказки, притчи, предания спустя годы обогатили творчество Микаила Мушвига.** К тому же он обладал удивительно цепкой памятью, позволявшей без особых усилий запоминать услышанные и прочитанные образцы поэзии внушительных объёмов. Мушвиг был безупречным чтецом образцов классической и современной поэзии, как и собственных стихотворных произведений. Его мягкий, бархатный голос завораживал слушателей, а феноменальная память изумляла всех.

В 1915 году Микаил поступил в русско-татарскую (азербайджанскую) школу, которую окончил в 1920 году, продолжив учёбу в Бакинском педагогическом техникуме. В 1927–1931 годы учился на филологическом факультете Азербайджанского педагогического института. Получив высшее образование, в течение нескольких лет преподавал азербайджанский язык и литературу в школах города Баку.

М.Мушвиг в юности

М.Мушвиг с женой Дильбер Ахундзаде

Основная элита азербайджанской литературы 1930-х годов с огромным уважением и искренней любовью относились к Микаилу Мушвигу. Ярким подтверждением тому может служить перечень гостей на свадьбе поэта с красавицей из Гянджи Дильбер Ахундзаде, сыгранной в июне 1933 года: **поэт, драматург Гусейн Джавид (1882–1941), поэт и прозаик Абдулла Шаиг (1881–1959), поэт, певец независимости Ахмед Джавад (1892–1937), молодые таланты Самед Вур-**

гун, Сулейман Рустам, Мир Джалал (1908–1978), Мехти Гусейн (1909–1965), Расул Рза, Мамед Рагим (1907–1977), великий певец Бюльбюль (1897–1961) с учеником Элоглу и др. В ближний круг друзей Мушвига входили также прозаик, драматург Мирза Ибрагимов (1911–1993) и драматург Сабит Рахман (1910–1970).

В марте 1934 года у молодой четы родился сын. Нетрудно представить безмерное счастье обоих родителей. Мушвиг нарёк сына Ялчыном. К со-

М.Мушви́г и С.Вургу́н. 1935 г.

жалению, их радость оказалась совсем недолгой, малыш в двухмесячном возрасте внезапно заболел и в течение трёх дней от жара скончался. Эта утрата стала ударом, от которого чувствительная душа несчастного поэта так и не оправилась...

Надо сказать, что тяга к поэзии проявилась у Мушвига ещё в ученические годы – **стихи он начал писать в восемнадцатилетнем возрасте, и за короткое время стал одним из признанных азербайджанских поэтов тех лет.** Первое стихотворение поэта – «Однажды» вышло в молодёжной газете «Гяндж ишчи» («Молодой рабочий») в 1926 году. С 1930-го по 1935-й год поэт успел издать десять стихотворных книг: первый сборник – «Ветры» (1930), затем «Битвы», «Голоса дня», «Хлопок», «Первое мая», «Среди буровых» (1932), «Шенгюль, Шюнгюль, Менгюль», «Стихотворения» (1934), «Гая», «Крестьянин и змея» (1935).

Учитывая открытые и скрытые налёты ярких радетелей социалистического реализма, молодой поэт старался писать на тему новой жизни, воспевать социалистический строй, советскую власть. Таковы стихотворения «В тени» (1925), «Родина моя», «Однажды» (1926), «Мать», «Ковёр», «Клятва», «Тоскующая старуха», «Раздумья», «Начинай восстание» (1927), «28 апреля», «26-ти», «Красный воин», «Нигяр», «Радио», «Земля и трактор», «Педтехникум» (1928), «Девочкам в чадре», «Октябрьская ночь» (1930), «Звуки победы» (1931), «Бухта Ильича» (1932), «Март сегодняшнего дня» (1933) и др. Тем не менее, **творчество Микаила Мушвига в 1930 годы часто становилось объектом необоснованной критики и нападок.** Его обвиняли в отставании от темпа современной жизни, в излишнем пафосе, возвышенном романтизме, даже антисоветизме и пантюркизме.

Чувствуя нависшую угрозу, поэт в 1937 году с особым старанием готовил к печати свою **одиннадцатую по счету книгу под заглавием «Бурлящий», включив в нее лучшие произведения разных лет, а также все стихи и поэмы, написанные в 1935–1937 годах.** Но, к огромному сожалению, не суждено было осуществиться мечте поэта...

К сожалению, репрессивная машина, запущенная ещё в начале тридцатых годов, набирала мощные, уничтожающие обороты по всей «великой стране Советов». И в 1937 году хрупкая судьба тонкого, интеллигентного поэта стала одной из многочисленных, невосполнимых жертв азербайджанского народа. **В ночь на 4 июня 1937 года он был арестован,** а на следующий же

день начались мучительные допросы, тянувшиеся до 12 марта 1939 года – даты расстрела гениального поэта Микаила Мушвига...

В произведениях на интимно-лирические темы Микаил Мушvig стремился раскрыть духовный мир своего современника, сердце которого полно радости новой жизни. В этом отношении характерны стихи «Твои глаза», «Чтоб опять был тот сад», «Ветры», «Ночь», «Телеграфные провода», «Тар» и др. Надо особо подчеркнуть, что во всей его любовной лирике верховенствует дух оптимизма. Чувства поэта неразрывно связаны с его временем и с главным содержанием эпохи. По трактовке Мушвига, любовь вне труда, вне общей борьбы не приносит радости.

Творчество Микаила Мушвига отличается умением найти в обычном, будничном явлении штрихи истинной поэзии, разработать и поднять их до уровня масштабного художественного обобщения. **В своих произведениях он отразил размах общественной жизни, стремление народа к созиданию, подвигу, ратному труду.** Тема жизни народа входила в поэзию Мушвига органически и естественно, как дыхание.

Мушвигу очень близка была по духу **классическая азербайджанская поэзия, особенно**

творчество Мухаммеда Физули (1494–1556).

Глубокий интерес поэта к содержанию и особенностям поэзии Физули объясняется тем, что он, подобно своему великому предшественнику, стремился выразить высокие общественные идеалы. Особое внимание Мушви́г обращал на лаконичную и точную передачу мысли, свойственную поэзии великого классика. Именно в этом смысле творческое наследие Физули для него было настоящей поэтической школой. Глубокий лиризм, всестороннее внимание к духовному миру человека, характерные для поэзии Физули, были развиты Мушви́гом в совершенно новом аспекте.

Наряду с этим, в своих лирических стихах и поэмах он стремился по-своему преломлять философское содержание и многообразие форм, унаследованных от произведений великого Имадеддина Насими (1369–1417).

С другой стороны, в творчестве Мушви́га заметно благотворное влияние и народной поэзии. Таким образом, поэт пользовался всеми формами азербайджанской поэзии: классической и народной (аруз и хеджа), а также свободным стихом.

Мушви́г стремился к обогащению поэтического стиля, смело вводил в поэзию новые темы, находя для них яркое, образное выражение. **Его лучшие стихи отличались наглядностью, красочностью, конкретностью, богатством средств поэтической выразительности. Язык поэзии Микаила Мушви́га – живой, народный.**

Им создано много сюжетных стихотворений, где в ярких красках описываются деяния современников: «Смерть Рэны», «Песнь вечности», «Любовь к жизни», «Листки раздумий», «Бахтияр», «Новый дом», «У родника», «Скорбящая старуха», «Белые степи», «Беглец» и др. Эти стихи характеризуются глубиной наблюдений, живостью, лаконичностью, образностью языка, богатством художественных выразительных средств и приёмов. Микаил Мушви́г как гениальный мастер художественного слова и проницательный наблюдатель жизни тонко чувствовал коренные изменения в общественно-социальном строе, быту, духовном мире людей, умело изображал конфликты, порождённые новым временем.

В творческом наследии Микаила Мушви́га значительное место занимают и его наиболее популярные поэмы: «Среди буровых», «Пастух», «Афшан», «Мой друг», «Шойле», «Дезертир», «Гая», «Утро», «Дастан свободы», «Разбитый саз», «Трагедия гор», «Дядя Джаби» и другие. Среди основных достоинств этих произведений – **полнота характеров главных героев, умело построенный сюжет, драматизм событий и естественность диалогов. В поэмах Мушви́га убедительно раскрывается внутренний мир образов, рисуются широкие картины жизни.** Каждый персонаж наделён сугубо индивидуальными чертами, описан яркими красками, и поэтому запомина-

Бюст М.Мушви́га в городе Баку. Скульптор М.Рзаева, архитектор Ш.Рзаева

Mikayıl Müşfiq

ется читателем. В этих лирических и лирико-эпических произведениях красной чертой проходит большой социальный оптимизм, ощущается, как автор любил жизнь и людей, восхищался гулом трудовых кипучих будней. О чём бы поэт ни писал, какой бы темы не касался, он в первую очередь стремился воспеть новое, осмыслить и показать сущность, закономерность развития общества.

Творчество Микаила Мушвига ещё при жизни привлекало внимание ведущих советских поэтов-переводчиков, его произведения активно переводились на языки народов СССР. В 1930–1937 годы были изданы пять переводов его произведений: на русском, грузинском, армянском, украинском и узбекском языках. И **сам Мушvig** **плодотворно занимался художественным переводом**. Азербайджанские читатели до сих пор с благодарностью читают в его блестящем переводе отрывки поэмы-эпопеи «Шахнаме» Абульгасыма Фирдоуси (940–1020); значительные части рубаи Омара Хайяма (1048–1131); «Кобзарь» Тараса Шевченко (1814–1861: совместно с поэтом Ахмедом Джавадом); «Цыгане», отрывок из «Полтавы», «Письмо Татьяны к Онегину» из поэмы «Евгений Онегин» (совместно с поэтом Расулом Рзой) Александра Пушкина; поэмы «Демон» Михаила Лермонтова (совместно с поэтом Р. Рзой); стихотворение «Вот какой рассеянный» Самуила Маршак (1887–1964), с персидского языка – «Восточная поэма на смерть А.С. Пушкина» Мирзы Фатали Ахундова и др.

По сути, идейная направленность творческого наследия Микаила Мушвига была близка новому советскому человеку – созидателю новой жизни. В произведениях поэта раскрывалось жизненное трудолюбие человека, его лирические герои отличаются устремлённостью в будущее, они сильны своей активной позицией в жизни, ими двигала неизменная решимость к борьбе за победу нового строя. При всём этом Микаил Мушvig является тонким лириком, искусным мастером-певцом реальной земной любви и красоты, творивший в ранние советские годы. ✨

Литература

1. Антология азербайджанской поэзии. В трёх томах, том третий. Составители: М.Тахмасиб, М.Рзакулизаде, Наби Бабаев (Хазри). Переводы под редакцией П.Антокольского и Ч.Гусейнова. Москва, «Художественная литература», 1960. 280 с.
2. Очерк истории азербайджанской советской литературы. Подготовлен к печати Институтом литературы и языка им. Низами АН Азерб. ССР совместно с отделом советской литературы ИМЛИ им. А.М.Горького АН СССР. Ответственные редакторы: З.С.Кедрина, Г.Б.Бабаев. Москва, «Наука», 1963. 570 с.
3. Azərbaycan Sovet ədəbiyyatı. Ali məktəblər üçün dərslik. Redaktorları: Ə.Mirəhmədov, B.Vahabzadə, F.Hüseynov. Bakı, "Maarif", 1966. 436 s.
4. Ərəb və fars sözləri lügəti. Redaksiya heyəti: B.T.Abdullaev, Ə.Ə.Orucov, Y.Z.Şirvani; məsul redaktoru Y.Z.Şirvani. Bakı, Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı. 1967, 1036 s.
5. Dilbər Axundzadə. Müşfiqli günlərim. Bakı, "Gənlik", 1968. 134 s.
6. Мамед Ариф Дадашзаде. Азербайджанская литература. Учебное пособие для филологических факультетов университетов. Москва, «Высшая школа», 1979. 232 с.
7. Т.Ə. Əhmədov. XX əsr Azərbaycan yazıçıları. Ensiklopedik məlumat kitabı. Bakı, «Nurlar», 2004. 984 s.
8. Антология азербайджанской поэзии. В трёх томах. Том второй. Главный редактор Анар, Составитель проф. Гасан Гулиев. Баку, «Нурлан», 2009. 336 с.
9. Bədirxan Əhmədov. XX əsr Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi (dərslik). Üç cildə. 2-ci cild. Bakı, "Apostrof" çap evi, 2010. 436 s.
10. И.А.Габиббейли. Литература. Время. Современность. Монография (отв. ред. А.М.Багиров). Москва: «Художественная литература», 2020, 464 с.
11. И.А.Габиббейли, А.М.Багиров. Азербайджан – жемчужина Турана. Монография-антология. Отв. редактор: А.М.Багиров. Москва, «Художественная литература», 2020, 656 с.

The article briefly characterizes the life of one of the brightest representatives of Azerbaijani poetry of the first half of the 20th century, lyric poet Mikayil Mushfig. It is noted that Mushfig, whose works mainly focus on the new life and social transformations, was a lyric poet, a follower of the traditions of classical Azerbaijani poetry, as well as a connoisseur of folk literature.

ПРЕЛЕСТНАЯ ДЕВУШКА

Гибок стан твой, походка твоя так легка,
Словно ветер чуть слышно колышет шелка.
Что со мною? – Не знаю, прелестная девушка!

Тоньше рук твоих стебли попробуй, найди...
Отчего ж из-за них бьётся сердце в груди,
Как больное? – Не знаю, прелестная девушка.

Думал я: для любви моё сердце мертво.
Как сумела в костёр превратить ты его, –
Ледяное? – Не знаю, прелестная девушка.

В том, что стали от зависти сохнуть цветы,
Небо стало шафранным, – если не ты,
Кто ж виною? – Не знаю, прелестная девушка.

Верю я, быть навеки счастливыми нам.
Что ж боишься прильнуть ты губами к губам,
Полным зноя? – Не знаю, прелестная девушка!

ДОЖДЬ

Дождь... По окнам звонко хлещут капли,
На асфальте, вспыхнув, блещут капли.
В тёмном небе сшиблись туча с тучей,
Полыхнули молнией колючей,
В барабан ударили тугой.
И уже стремглав по мостовой
Ручейки бегут, перекликаясь.
Взмыли птицы, от беды спасаясь,
В подворотнях жмётся детвора.
– Вот так хлынул, словно из ведра!
Лишь один мальчишка босоногий
Пляшет в луже посреди дороги.
«Лейся дождик – хлип-хлип-хлип
– Косы длинные рассыпь!»

Он рассыпал шёлк густых волос,
Словно вправду косы распустила
Та, кого зову своею милой.
– Дождь, ты жизнь пескам пустынь принёс.
По тебе уже давно мы тужим,
Как малыш, что в пляс пошёл по лужам.
«Загляни ты, – скок, скок, скок! –
Дождик в каждый уголок».

По баштанам погуляй, по саду,
Плодородные поля порадуй...
Молния, мой голос – отзвук твой,
Тучи жду я, тучи дождевой...
Дождь! По окнам застучали капли,
Заиграли, засверкали капли.

МАТЬ

– Мама, мама, – скажу, и становится сердцу тепло.
 – Мама, – тихо роняю, и дрожь пробегает по телу.
 – Мама, – я говорю, и вокруг, словно в полдень, светло.
 – Мама, мама!.. – Но тихо в квартире моей опустелой.

В этом слове таится особенный, ласковый свет,
 И всю прелесть его воссоздать никому не под силу.
 Вечно в сердце пребудет у нас та, которой в ответ
 Скажешь «мама», услышав заветное: – Мальчик мой милый!

Много женщин красивых я видел, но всё же не мог
 Ни одной отыскать, озарённой такой же любовью.
 Мама – это не слово, а самый чудесный цветок,
 И сплелись его корни в живучее сердце сыновье.

Если б вздумалось вдруг мне его лепестки оборвать, –
 Всё моё существо завопило б: – Опомнись, несчастный!
 Боль себе, а не мне причинишь! Знай, что с ней совладать
 Ты не сможешь вовеки, – в душе прозвучало бы властно.

Это мать говорила б со мною: – Сынок, все слова,
 Что дарят твоим песням их тонкое очарованье, –
 Тени слов, спетых мной над кроватькой твоей... Я жива
 В каждой книге и в сказке, и в древнем народном преданье.

Это правда святая, и помню об этом всегда.
 Был я хилым ребёнком, и, если б не матери руки,
 Не остался б в живых, не узнал бы я радость труда.
 Оттого-то я плакал так горько над ней в час разлуки.

А теперь, если спросят порой: – Где, Мушвиг, твоя мать?
 – Умерла, – отвечаю, и боль просыпается где-то.
 Но я жив и хочу я работать, творить, созидать,
 Людям путь озаряя пылающим сердцем поэта.

В Мать-Отчизну влюблённый, во имя её я творю,
 И бессмертье её, и величье в стихах прославляю,
 Мне дарует она каждый день золотую зарю,
 Золотую зарю, что над нею горит, полая.

Перевод Владимира Бугаевского

ТВОЙ СМЕХ

Смех твой звенящий в моих ушах,
 Если бы ты знала, на что похож, –
 Это на маковых лепестках
 Предрассветных росинок дрожь.

Смех твой, как вспугнутый ветерок, –
 Лепет весеннего утра в нём.
 Губы твои, как звёздный цветок,
 Холодноватым манят огнём.

Этот смеющийся нежный рот
 Видеть хотя бы издалека!
 Смех твой дразнящий меня зовёт, –
 И ускользает, как облака.

Птица, летящая в высоту,
 Проблеск луны средь талых ветвей, –
 Смех твой даёт стихам остроту,
 Делает чувства мои ясней.

День наступает счастливый мой.
 Снова приходит весна тогда,
 Молнии мечутся над головой,
 И, торжествуя, течёт вода.

Мир – это вечно цветущий сад,
 Плеск и движенье, трепет и шум.
 Жаль мне того, кто жизни не рад,
 Кто не смеётся и кто угрюм.

ТВОИ ГЛАЗА

Глаза в сияющем огне!
 Они горят, их час настал.
 В их беспредельной глубине
 Своё я счастье отыскал.

Нарциссы вспыхнули в ночи,
 В их звёздах юность и весна.
 Живые искрятся ручьи
 Там, где утёсов голизна.

То не глаза твои блестят –
Зажглись светила в тьме ночной.
Иль источает ранний сад
Росы и зелени настой?

Пускай ашуги всей земли
На мой вопрос дадут ответ!
Замёрз я, если б не зажгли
Твои глаза свой тёплый свет.

Мне без тебя не жить теперь, –
В разлуке будет жизнь пуста.
Но почему надежды дверь
То отперта, то заперта?

Твои ль глаза в садах любви,
Или расцветшие цветы?
Иль то журчит – живи, живи! –
Поток, летящий с высоты?

Перевод Татьяны Стрешневой

ТАР

Звени, тар,
Звени, тар,
Будь нежен, как прежде бывал не однажды!
Столетия ты людям поёшь, а не стар,
И песня твоя – утоление жажды.

Звени, тар,
Звени, тар,
Ты желчь и услада, ты таинство лада,
Народа творенье и дар.

Я помню, домишки за ветхим дувалом,
Угрюмые очи скосив на восток,
Внимали тебе, и напевом бывалым
Ты вновь чаровал их, и мучил, и жёг!

Я помню, как в комнатах тесных и чадных
Твой голос зовущий до ночи не тих.
Как плакали, слушая, женщины в чадрах,
Вздыхали мужчины в папахх седых.

Как бился чаргях, вылетал на дорогу, –
И круто придерживал путник коня.
И горное эхо трубило тревогу,
И волны её разносили, стена.

О тар, воскреси мне газели Сеида
И жемчуг Бахара на нить нанижи, –
Я снова навстречу возлюбленной выйду
В ширванскую ночь, в переулки Гянджи.

Кто сердцем остыл, кто с судьбою не сладил,
Забыл, как даяния жизни щедры,
Ушёл от природы и долго не гладил
Шершавые тёплые плечи горы;
Кто горя хлебнул, кто изведал измену,
Кто счастья не знает с любимой своей,
Кто просит о помощи, – тот непременно
Найдёт утешенье у этих дверей.

Нет, песня твоя не похожа на птичью,
Особенный голос и нрав тебе дан:
Он полон печали и полон величья, –
Покой отняла у тебя Зерафшан,
Покой отняла, наделила тоской,
Расстроила струны небрежной рукой.

Султаны немели,
Заслышав тебя;
Невольники пели
С тобою, скорбя;

Их жалобам вторя,
Медлительный звук
Вылечивал горе,
Как преданный друг;

И выткавший в муке
Ковры для других,
И те, кто от скуки
Дремали на них;

Пресыщенный словом
Поэт-верхогляд,
В атласе багровом
От шеи до пят.

На пире вечернем
Бубнящий одно:
«Налей, виночерпий,
Я славлю вино»;

И тот, кто твореньем,
Как жаждой, палим,
Объятый гореньем
Вагиф иль Надим, –

Все знали
Твою несравненную власть,
С тобою стонали
И плакали всласть.

Но ты не служил ни мулле, ни святоше,
Мечеть не слыхала тебя никогда.
Она ненавидела песню... За что же?
За то ли, что песнь неподкупно горда?

Ханжи заглушали завистливым воем
Твой праведный голос, будивший сердца,
На камни швыряли тебя головою,
Жестокие пальцы душили певца.

Они уничтожить тебя не сумели, –
Ни струны сорвать, ни сломать на куски.
Но был ты рождён, чтобы славить веселье, –
А пел, задыхаясь от смертной тоски.

Какая печаль нас охватит, бывало,
Какая на сердце кромешная мгла –
В мечети,
Когда «Марсия» завывала
И шествовал на середину мулла.

Мы плакали вместе с тобою, о тар,
Грустили над нашей судьбою, о тар!..

Звени, меднострунный! Прошли времена,
Когда лишь о горе вещала струна.

Твой голос по радио – радости полон:
Впервые народ не угрюм и не болен.

О радости спой мне сегодня, тарист:
Вот сердце, что ветра свободней, тарист!

Навеки ушли и тоска, и усталость.
Молчит «Марсия», и муллы не осталось.

Звени, мой желанный,
Звени, неустанный,
При звуках ликующей песни твоей
У девушек лица – зари розовой.

О как твои струны легки и послушны!
Кто слушать сумеет тебя равнодушно?

Я трону струну золотую твою
И всё, что задумано, людям спою.

Сегодняшний день я хотел бы прославить,
Немеркнувший след его в песне оставить.

О тар, ты оружие в искусной руке!
Ты с нами поёшь на одном языке.

Пусть прошлое метко разит эта песня,
Пусть прошлое в наших сердцах не воскреснет.
Звени, неустанный! Пусть слышит народ!
Бакинский нефтяник с тобою поёт.

С тобою поёт
Тракторист молодой.
С тобою народ, –
Не смолкай же и пой!

С тобой хлопкоробы,
С тобой шелководы
Грустят и смеются,
Как в прежние годы.

Звени, тар,
Звени, тар,

Будь нежен, как прежде бывал не однажды.
Столетия ты людям поёшь, а не стар,
И песня твоя – утоление жажды.

Звени, тар,
Звени, тар,

Ты желчь и услада, ты таинство лада,
Народа творенье, божественный дар!

ОБЛАКА

Облака, я люблю ваши светлые лица,
Я люблю ваши медленные вереницы.
Было небо бледно и мертво,
Вы одни оживили его.
Отчего без нужды и расчёта
Я к вам руки простёр?
Отчего?

Что нам толку в бесцельном и вечном скитанье?
Что вас гонит в дорогу? Надежда? Страданье?
Облака, облака, облака,
Крутогивые облака,
Словно конница, в тихий город
Вы примчались издалека...

Есть изорванные в клочки,
А иные – чисты и легки.
Есть – как чаши, с краями налитые щедро,
Их грозит расплескать дуновение ветра...
Вы дрожите от каждого вздоха его!
Отчего?

Ветер вас собирает и вновь разгоняет.
Серебристая ткань выцветает, линяет,
Расползается на шелковистые нити, –
Вы опять со слезами от ветра бежите...

Пролетают над бездною величавые крылья,
Пролетают железные тускло-ржавые крылья...
Что вас ждёт вдалеке, облака?
Но когда вас охватит тоска,
Но когда вы собьётесь с пути в бездорожье, –
Вы с моею любимую схожи.

Юность, юность моя, соколиная стать,
Ты не хочешь задумчивой песне внимать?
Дни проходят – я песни слагаю...
Будни, верные будни в труде, в тишине,
Когда я улыбаюсь, на облако глядя,
Говорить о любви для заветной тетради
Вы позволите мне?

Я не облако в небе, гонимое ветром!
Нет, мой жребий земной и мой путь не таков:
Я хотел бы, как молния, росчерком светлым
Проблистать над толпой облаков.

Перевод Владимира Портнова

НОВЫЙ ДОМ

Плотник дом возводил, отлично сваи вбивал,
Словно для ласточек юных гнёздышко он свивал.

– Джан-уста! Я тощим стал, как тонкая стрела.
Мне с глазами журавлиными девушка мила.
Строй мне крепкий дом, скорее возводи жильё.
Чтобы сердце не скучало бедное моё.
Всю любовь мою и радость, все ночные сны,
Все лучи дневного солнца, весь расцвет весны
В этой комнате просторной я обнять хочу,
Мою давнюю тревогу я унять хочу.

Плотник дом возводил, отлично сваи вбивал,
Словно для ласточек юных гнёздышко он свивал.

– Джан-уста! Ты славный мастер. Дело – твой закон.
Пусть же в небо распахнётся светлый мой бал-
кон,
Чтоб чахотка злая в доме щели не нашла,
Чтоб в окне всходило солнце, а луна зашла,
Чтоб почаще свет смеялся, стены золотя,
Как дитя, что здесь родится – первое дитя.

Плотник дом возводил, отлично сваи вбивал,
Словно для ласточек юных гнёздышко он свивал.

– Джан-уста! Ещё желанье родилось одно.
Мне построить жизнь по нраву, видно, суждено!
Разобью я перед домом плодоносный сад.
Мой цветник с рассвета птицы пенем огласят.
Я в краю моём прославлюсь – первый садовод.
В пёстрой комнате развешу звёздный небосвод.
Наша жизнь в объётах весен, – видишь, вот она
–
На губах любимой солнце, на душе весна.

Плотник дом возводил, отлично сваи вбивал,
Словно для ласточек юных гнёздышко он свивал.

Перевод Павла Антокольского

МОЙ СТИХ

Общее с миром у вас естество,
разве не так, мой стих?
Ты его разум, я сердце его, –
разве не так, мой стих?
Солнце дневное и звёзды ночей
принадлежат тебе,
Всё хорошеет – и ты хорошей,
нашей под стать судьбе!

Мир музыкален во веки веков,
ты – его ритм и тон,
Из самых разных лучей и цветов
ты, как венок, сплетён.
Роза цветёт, услышав соловья, –
так расцветай и ты.
Глубже становится смысл бытия –
не отставай и ты.

Но хороша только та глубина,
что простоте сродни,
Головоломка в стихах не нужна,
хватит пустой возни!
Тонкостью ты со струною сравнись,
славя наш век, мой стих,
Всё упростилось – простым становись,
как человек, мой стих.

Тонкость – не слабость, не смешивай их,
разница велика.
Сила – не грубость, запомни мой стих,
разница велика.
Вооружаются снова враги –
сталь обнови свою,
Ту, что дороже души, береги,
будь, как солдат, в строю.
Вехи живого – рожденье и смерть,
жизнь переходит в смерть.

Как тяжело превращенье терпеть,
как тяжело терпеть!
Завтра в печальную эту игру
вместе войдём, мой стих,
Но ты похоронен. Когда я умру,
будешь в сердцах живых!

ВЕТРЫ

Утро ль раннее, ночь ли поздняя,
ночь ли поздняя, утро ль раннее –
Неожиданно заявляется
бесшабашная их компания.
Отпирай-ка ворота! – требуют,
ни к чему тогда препириания.
Будто песенники счастливые,
распевают повсюду ветры;
Путешественники счастливые,
поспевают повсюду ветры!

Ветры, ветры, вы очень разные –
сердобольные вы и грозные,
То пугливые, то бесстрашные,
то беспечные, то серьёзные,
Равнодушные, иль пристрастные,
раскалённые, иль морозные.
Вы на севере и на западе,
и на юге витали, ветры,
И восточные наши запахи
вы, конечно, впитали ветры.

Осушая росу пьянящую,
совершаете небывалое –
Там, где падает конь подкованный,
поднимаетесь в небо алое.
Не убавится вашей удали, -
подарили и мне бы, шалые.
Ранним утром, иль поздним вечером
поравняться б с горою, ветры,
Чтоб со мною была доверчива,
я ей сердце открою, ветры!

Громыхайте, гремите, грохайте,
Чтобы сила моя воспрянула,
Чтобы в бурю большая молния
осенила меня, упрямого,
Чтобы слава пришла огромная,
Чтобы слово погромче грянуло –
Вы же сами внушили гордую
мне мечту о полёте, ветры,
И к себе на вершину горную
непрестанно зовёте, ветры!

Перевод Владимира Кафарова

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

От лучезарного мира свободы,
От вдохновенья – как мне отказаться?
От покорителей дикой природы,
От поколенья – как мне отказаться?

Сердце, не будь, словно утренний иней, -
Солнцем сияй на небесной равнине!
От птиц, шелестящих в пронзительно синей
Ткани воздушной, – как мне отказаться?

Видите, свет в небосклоне полночном,
Дружеский строй – в единении прочном.
От почвы, объятай цветением сочным
В дали серебристой, – как мне отказаться?

Природа щедра и скупа до предела.
Она без тебя, инженер, затвердела,
С тобой – ожила, накормила, одела.
От истины этой – как мне отказаться?

Там – соколы, скалы в тумане, как в сбруе,
Тут – куропатки, зеркальные струи.
В зрелых садах – соловьиные струны.
От зрелищ подобных – как мне отказаться?

От жизни, которая стала ареной
Страстей современных в борьбе современной,
От солнца, от звёзд, от земли, от вселенной,
От полночи, полдня – как мне отказаться?

Железные волны грохочут над бездной,
Рёв урагана в лавине железной!
От лилий, подаренных Музой любезной,
От строф и желаний – как мне отказаться?

Звёзды – огни моих мыслей мгновенных,
Тучи – стада моих дум сокровенных,
Небо – обитель страстей вдохновенных.
От выси подобной – как мне отказаться?

Входит любимая - речи лишает,
Голову кружит, стихи украшает.
И с любопытством душа вопрошает:
– От лейлоокой – как мне отказаться?

Перо молодое моё, не утрать
Созвучий и красок, чтоб кончить тетрадь.
Нет, я не могу притворяться и лгать!
От лет вдохновенных – как мне отказаться?

Перевод Юнны Мориц